

ходят в Украине систематически «Гоголеведческие студии» (Нежин–Симферополь).

Основным направлением, очевидно, будет не только литературоведческий аспект, но и шире – культурологический. Естественно, возникают проблемы исследования украинского фольклора (песни, думы, предания) как основы гоголевской речи, выделить следует также проблему «Гоголь и театр», «Гоголь и опера», «Гоголь и кино», «Гоголь в изобразительном искусстве»... Нельзя пройти мимо тем: «Гоголь и философия», «Гоголь и психология».

Хотелось бы, чтобы юбилей Гоголя ознаменовался новым памятником в одном из городов Украины.

Владимир Денисов

1. На первом курсе литфака ЛГПИ им. Герцена я (довольно неожиданно для самого себя) написал о ритме прозы в "Шинели" – видимо, сказалось по-юношески ярое восприятие старого Петербурга, "застойного" абсурда и много чего еще. Не последнюю роль играло очарование структуральными трудами (в частности, М. Гиришмана). Добрейшая Д.К. Мотольская пригласила на обсуждение кого-то из Пушкинского Дома... и меня стали числить по гоголеведению. В этом был свой резон: какого провинциала не греет легенда о незаметном юном мечтателе, однажды проснувшемся знаменитым в холодной столице, покоровшем её – неизвестно как, да и неизвестно зачем. Ничего другого не оставалось, как идти на спецкурс В.А. Западава, в спецсеминар к Докусову, бегать в ЛГУ на лекции Бялого и Макогоненко, читать Ю. Манна и до хрипоты спорить с кучерявой, как Пушкин, Машей Виरोлайнен. Через Гоголя открывалась вся великая русская литература – с великими ее секретами, и оказалось, что нельзя ее понять, не зная Библию и Евангелие. С Гоголем можно было посоветоваться в житейских передрагах. Он не отпустил и после дипломной работы, которой я не был удовлетворен, ибо оставались еще какая-то тайна, загадка, решение самых важных для меня проблем... пришлось садиться за диссертацию и проводить время в Публичке. Потом, когда я стал объяснять себе, почему так получилось, то вспомнил, что родился в конце лета 1952 г. В феврале – марте весь СССР отмечал столетие смерти Гоголя (тогда дни рождения деятелей не праздновали: рождаются-то все одинаковыми...), а следовательно, будущая мама – учительница русского языка и литературы обязана была участво-

вать в юбилейных мероприятиях, хотя ее и занимало другое... Потом зимой при свечах (государство сэкономило свет) мне иногда давали, вместо книжек с картинками, солидное издание "Мертвых душ", и я изумлялся нарисованным Лаптевым уродам. Больше всего – до озноба! – тогда же потряс диафильм "Страшная месть". А вот школьный Гоголь, бодрый, поучительный, "социальный", с попреками царю и "смехом сквозь слезы", пропал, пропал бесследно.

2. По-видимому, Гоголя больше всего печалили несовершенства человеческой природы, ее "первородная" греховность, убожество и мелочи "пошлой" жизни человека, которые он видел, согласно христианским идеалам, прежде всего, в самом себе, а потому и смеялся над этим не только с ожесточением, болью, горечью, но и с великой любовью. Поражает его искусство Слова, которое невозможно без Веры – как вообще Искусство. Особенно трогает его понимание России как семьи народов, противостоящих вызову Запада, и вера в ее великое будущее.

3. Хороши все жанры исследований, если они помогают понять смысл сказанного Гоголем. Его творчество настолько велико, многогранно и актуально, что содержит ответы на любые вопросы нынешнего читателя. Очень жаль тех, кто видит в его произведениях лишь иллюстрации своих кошмаров, примитивную физиологию, абстракцию, проекции телесной и/или духовной ущербности. Смешны и ничтожны самохвальные "автопортреты" на фоне Гоголя – как правило, дико невежественные, конъюнктурные, явно бесовские, – или самовольные переправки работ уже ушедших и ныне здравствующих гоголеведов, неразличение "своего" и "чужого" (пусть даже с благой целью), попытки объявить себя гоголеведом по чину, знакомству или за деньги...

Владимир Казарин

1. В 1974 году я поступил в аспирантуру при кафедре истории русской литературы Ленинградского государственного университета им. А.А. Жданова. Я собирался заниматься литературой конца XVIII века и привез с собой реферат «Художественная символика «Бедной Лизы» Н.М. Карамзина» (рецензентом был профессор Пушкинского Дома И.З. Серман). Но после зачисления в аспирантуру мой научный руководитель профессор Г.П. Макогоненко рекомендовал мне заняться проблемами историзма на материале произведений А.С. Пушкина, Н.В. Гоголя и М.Ю. Лермонтова. Такого рода